

Бедность в российских регионах в 2000–2017 гг.: факторы и динамика

Наталья В. Зубаревич¹

¹ *Географический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия*

Получено 19 October 2018 ♦ Принято в печать 23 January 2019 ♦ Опубликовано 12 April 2019

Цитирование: Zubarevich NV (2019) Poverty in Russian regions in 2000-2017: factors and dynamics. Population and Economics 3(1): 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376>

Аннотация

В статье рассмотрены уровень и динамика уровня бедности в регионах России за 2000–2017 гг., показана устойчивость региональной дифференциации, несмотря на сдвиги в распределении регионов по уровню бедности. Выделены регионы с разной скоростью снижения бедности в период экономического роста и факторы, ускорявшие этот процесс. Выявлено слабое влияние двух последних кризисов на динамику бедности в регионах при разной динамике доходов. Рассмотрено влияние демографических (детская нагрузка) и доходных факторов (уровень доходов и неравенство по доходу), стоимости жизни в регионах и уровня урбанизации на региональные показатели бедности. Показаны изменение влияния разных факторов бедности в начале 2000-х гг. и в 2017 г. Проведен анализ изменений региональной картины бедности при переходе от абсолютных к относительным критериям ее измерения.

Ключевые слова

регионы России; уровень бедности; абсолютная и относительная бедность; возрастная структура населения

Введение и постановка проблемы

Проблема бедности в России отличается сильной региональной дифференциацией и по масштабам, и по профилю. Кроме того, уровень бедности в регионах значительно изменялся за постсоветский период под воздействием макроэкономических, демографических факторов, особенностей региональных рынков труда и систем социальной защиты населения. Исследования региональных аспектов бедности появились только в конце 1990-х гг., но к концу нулевых и в начале 2010-х гг. внимание к этой теме ослабело, поскольку острота проблемы снизилась.

Длительный спад доходов населения за 2014–2018 гг., обусловленный экономическим кризисом, вновь усилил внимание к проблеме бедности, в том числе на региональном

уровне. Сокращение уровня бедности вдвое заявлено в качестве одной из целей президентских указов на период 2018–2024 гг. Реалистичность этой цели вызывает сомнения у специалистов, а возможности ее реализации на уровне регионов, насколько известно автору, не просчитывались.

В статье рассматриваются уровень бедности и его изменения в регионах России за 2000–2017 гг., а также влияние на уровень бедности базовых факторов – уровня доходов населения, неравенства по доходу, величины прожиточного минимума. Помимо доходных характеристик в число факторов включен уровень урбанизации, поскольку в России риски бедности в сельской местности значительно выше, чем в городах.

Бедность в регионах России, как и во всей стране, измеряется по абсолютному монетарному критерию, чертой бедности является региональный прожиточный минимум, рассчитываемый по методике Минтруда. В развитых странах используется относительный критерий бедности (50% или 60% от медианного душевого дохода). Все шире используются также критерии многомерной бедности, не исчерпывающиеся оценкой текущего дохода и учитывающие разные виды лишений в доступности основных услуг. В статье на качественном уровне анализируется, как использование относительного критерия может изменить региональную картину уровня бедности в России.

Обзор исследований

В России первые исследования бедности были проведены ИСЭПН РАН в 1990-х гг. [Бедность..., 1994], поскольку в советское время проблема бедности официально не признавалась. Значительный вклад в анализ факторов, уровня и профиля бедности внесли исследования Л. Н. Овчаровой и ее коллег в ИСЭПН и НИУ-ВШЭ [Овчарова, 2009; Овчарова и др., 2014; Ovcharova, Biryukova, 2018].

На фоне большого числа работ по России в целом региональные исследования относительно немногочисленны. Наиболее полно проблемы бедности освещены в нескольких исследованиях. В работе Р. Емцова для Мирового банка [Yemtsov, 2003] рассматривались проблемы неравенства и бедности в регионах на основе данных обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата за 1994–2000 гг. Автор с помощью расчетов конвергенции выявил разную динамику меж- и внутрирегионального неравенства доходов населения и на этой основе сделал прогноз о том, что бедные к концу нулевых годов будут все больше концентрироваться в слабообразованных регионах. В работе авторов ИСЭПН анализировалось региональное неравенство по доходу с помощью расчетов индекса Джини и его влияние на уровень бедности [Шевяков, Кирута, 2001].

Исследование бедности в регионах также проводилось в рамках проекта Бюро МОТ в Москве [Предложения..., 2002], в нем рассматривались основные факторы региональных различий в уровне бедности и изменения уровня бедности в регионах в конце 1990-х гг. На основе анализа была разработана типология регионов по уровню бедности и воздействующих на него факторов. Выделены пять типов – наименее развитые с максимальным уровнем бедности, менее развитые с высоким уровнем, большая группа по количеству регионов «середины», немногочисленные относительно благополучные и всего три благополучных региона, включая Москву и нефтегазовые автономные округа Тюменской области. Рассматривалось также влияние бюджетной политики регионов на проблемы бедности, выработаны рекомендации по сокращению бедности в регионах разного типа.

В работе Д. Руденко [2011] проведено моделирование взаимосвязи показателей социально-экономического развития и уровня бедности в регионе. Показано, что изменения

уровня бедности сложно и нелинейно соотносятся с изменениями трех компонентов: среднего номинального дохода, неравенства по доходу и черты бедности. В работе по авторской методике рассчитан уровень относительной бедности по регионам и проведен анализ взаимосвязи обоих показателей уровня бедности с экономическими и социальными индикаторами по данным за 2009 г.

Факторы бедности в регионах выявлены Е. Гришиной с помощью регрессионного анализа [Гришина, 2014]. Автор показал, что на снижение уровня бедности положительно влияют социальные выплаты малоимущим (повышение их доли во всех социальных выплатах и объема относительно прожиточного минимума), уровень оплаты труда (отношение средней зарплаты к прожиточному минимуму), а отрицательно – доля населения старше трудоспособного возраста, поскольку с конца нулевых пенсионеры получают доплаты из бюджета, доводящие их пенсию до прожиточного минимума пенсионера. Повышению уровня бедности способствует прежде всего более высокая доля лиц моложе трудоспособного возраста в регионе (детская нагрузка), а также «проживание в Сибирском федеральном округе» [Гришина, 2014, с. 85].

Исследовались также инструменты измерения бедности в регионах для реализации социальных программ [Корчагина, 2007], проводился анализ направленности системы социальной защиты на снижение бедности в регионах [Овчарова, Прокофьева, 2014].

Проблемы бедности в отдельных регионах рассматривались в работах по Москве, в том числе способы измерения бедности с использованием шкал эквивалентности [Подузов, Кукушкин, 1997], особенности профиля бедности с учетом высоких среднедушевых доходов населения столицы [Шевяков и др., 2009]. Исследования по Татарстану проводились с акцентом на модернизацию системы социальной защиты для снижения уровня бедности [Мигранова, Мелина, 2007]. Особенности проблем бедности для городов с разной численностью населения рассматривались на примере Санкт-Петербурга и Вязников [Лаптева, 2004], автор использовал данные социологических исследований ИСЭПН, в которых бедность измерялась через лишения по адаптированной для России методологии, разработанной П. Таунсендом [Townsend, 1993].

Материалы и методика исследования

Анализ проводился по региональным данным Росстата: уровню бедности, уровню душевых доходов, скорректированных на прожиточный минимум, неравенству по доходу (коэффициент фондов), величине прожиточного минимума, а также доле городского населения в 2000–2017 гг. Используются методы группировки регионов с разным уровнем бедности, построение поля распределения регионов по парам показателей, парные корреляции.

Результаты

1. Уровень и динамика бедности в регионах. Наиболее значительные успехи в сокращении уровня бедности были достигнуты в период экономического роста нулевых, когда показатель снизился с 29% в 2000 г. до 13% в 2007 г. Число регионов с повышенным уровнем бедности резко уменьшилось, но с тех пор существенно не менялось (рис. 1). В период кризиса 2009 г. не произошло роста уровня бедности, поскольку не было сокращения доходов населения, в том числе благодаря валоризации пенсий. Минимальный уровень бедности был достигнут в 2013 г. (10,8%).

В период последнего кризиса бедность вновь стала расти (13,5% в 2016 г.), но в 2017 г. отмечалось небольшое снижение (13,2%). Четырехлетнее снижение реальных доходов населения относительно слабо повлияло на уровень бедности. Это обусловлено тем, что величина прожиточного минимума (черта бедности) росла медленнее индекса потребительских цен, по которому измеряется динамика реальных доходов населения. Эти показатели имеют разную структуру: в прожиточном минимуме половину составляют продукты питания, в том числе более четверти из них – картофель и овощи, цены на которые растут медленнее всего, а индекс потребительских цен измеряется на основе средней по стране структуры потребления, в которой существенно ниже доля продуктов питания и выше доля услуг, стоимость которых росла быстрее всего. Так, прожиточный минимум за три квартала 2018 г. вырос только на 1,2%, а индекс потребительских цен – на 3%, различия в их динамике составили 2,5 раза [Ежемесячный..., 2018, с. 32]. Но все же кризисные сдвиги были заметны, за 2013–2017 гг. стало больше регионов с уровнем бедности от 20 до 30% и одновременно сократилось количество регионов с минимальным уровнем бедности. Самой слабой реакцией на макроэкономическую динамику последнего десятилетия отличались наименее развитые регионы с максимальным уровнем бедности.

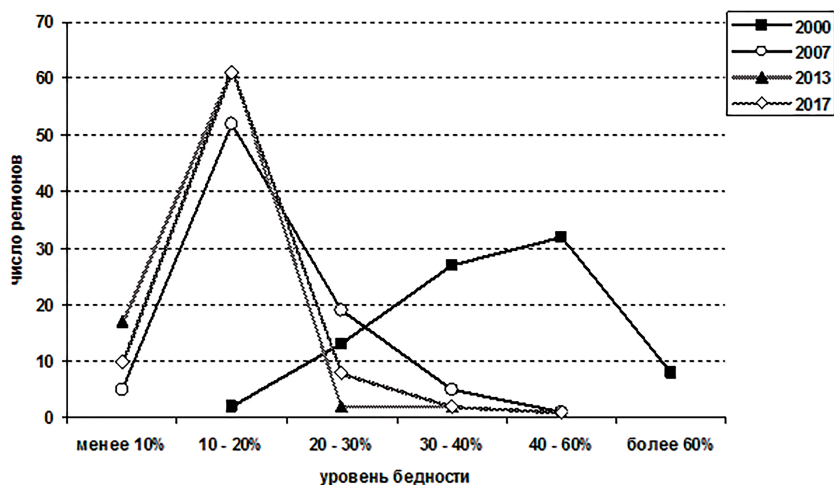

Рис. 1. Распределение регионов по уровню бедности в 2000–2017 гг. (без Чеченской Республики, Крыма и г. Севастополя), %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

При анализе региональных различий нужно учитывать проблемы достоверности региональной статистики доходов населения и уровня бедности, особенно в слаборазвитых республиках Северного Кавказа с высокой долей теневой экономики. Так, статистические дооценки скрытой заработной платы в Республике Дагестан достигли половины всех доходов населения, что значительно выше, чем в Ингушетии и других республиках Северного Кавказа. Это привело к резкому сокращению уровня бедности в Дагестане уже к середине нулевых и теперь ниже среднего по стране (рис. 2). В результате связь между уровнем экономического развития и уровнем бедности не прослеживается.

В экономически развитых федеральных городах и «богатых» нефтегазодобывающих регионах уровень бедности устойчиво пониженный. С середины нулевых к ним прибавились регионы нового нефтегазового освоения (Сахалин и Ненецкий АО), где рост до-

бычи сырья, заработной платы и доходов бюджета привел к резкому снижению уровня бедности, а также внешние зоны двух крупнейших агломераций страны (Московская и Ленинградская области), развитие которых ускорилося в период экономического роста за счет агломерационных преимуществ, что также способствовало опережающему снижению уровня бедности (рис. 3).

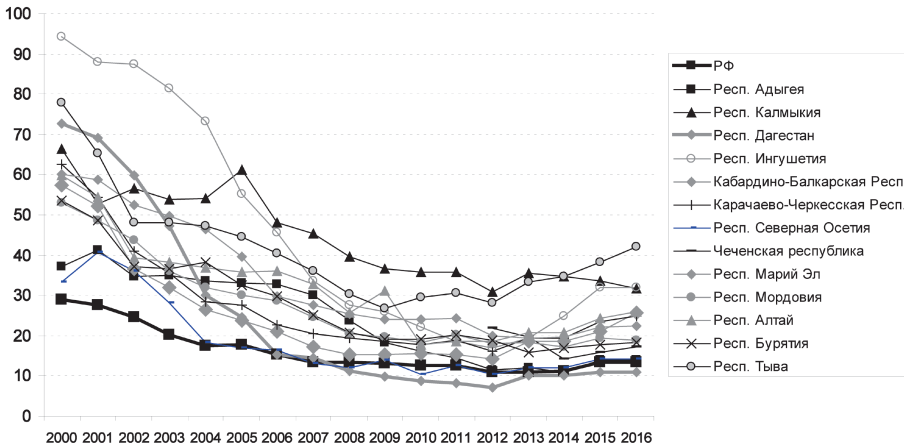

Рис. 2. Уровень бедности в слаборазвитых республиках, %
Источник: данные Росстата.

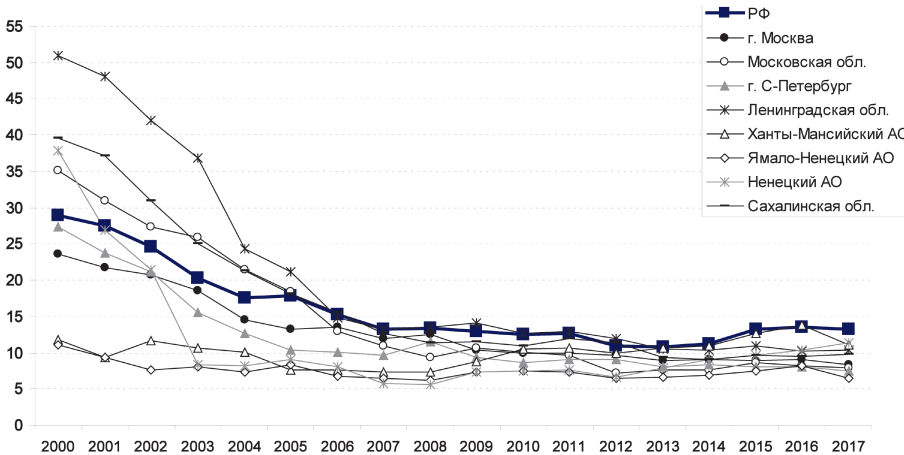

Рис. 3. Уровень бедности в агломерациях федеральных городов и ведущих нефтегазодобывающих регионах, %
Источник: данные Росстата.

2. Факторы бедности. Помимо экономических территориальная дифференциация уровня бедности обусловлена другими факторами. Начнем с демографического. В демографическом профиле российской бедности наиболее уязвимой группой являются дети: уровень бедности детского населения в 2016 г. составлял 22% при уровне бедности лиц старше трудоспособного возраста 7% и среднем уровне 13%. Домохозяйства с детьми составляют более 60% от численности малоимущих домохозяйств в России [Социально-экономиче-

ские..., 2017]. По этой причине к регионам с высокой долей бедного населения относятся республики Северного Кавказа и юга Сибири, не завершившие демографический переход, повышенный уровень бедности характерен и для некоторых других восточных регионов с более молодой возрастной структурой населения. Однако в регионах с постаревшим населением этот фактор менее значим (рис. 4).

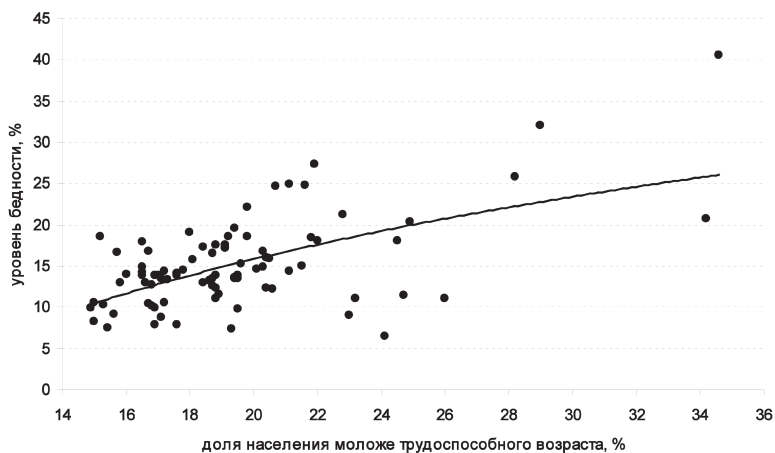

Рис. 4. Распределение регионов по уровню бедности и доле населения моложе трудоспособного возраста в 2017 г.

Источник: данные Росстата.

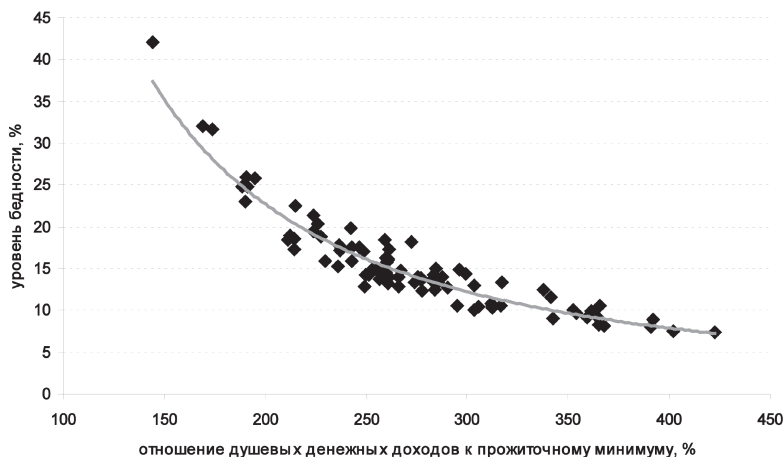

Рис. 5. Распределение регионов по уровню бедности и отношению душевых денежных доходов к прожиточному минимуму в 2017 г.

Источник: данные Росстата.

Наиболее важный фактор – уровень доходов населения, скорректированный на прожиточный минимум в регионе. Связь не линейная, но сильная (рис. 5). При столь высокой значимости доходного фактора вполне очевидно, что без значительного роста доходов населения к 2024 г. выполнить президентский указ о двукратном снижении уровня бедности вряд ли удастся.

Внутрирегиональное неравенство доходов населения (коэффициент фондов) в среднем по России очень велико – 15,3 раза в 2017 г., хотя немного сократилось в 2010-е гг. Высокое неравенство по доходу в регионе приводит к повышению стоимости жизни и прожиточного минимума, что негативно влияет на уровень и глубину бедности. Однако для регионов России влияние этого фактора не так велико (рис. 6). Несмотря на то что неравенство по доходу выше в развитых регионах с более высокими доходами, скорректированными на прожиточный минимум, уровень бедности в них понижен из-за более сильного влияния фактора дохода. В регионах с пониженным неравенством (8–11 раз) уровень бедности сильно различается, в них этот фактор еще менее значим.

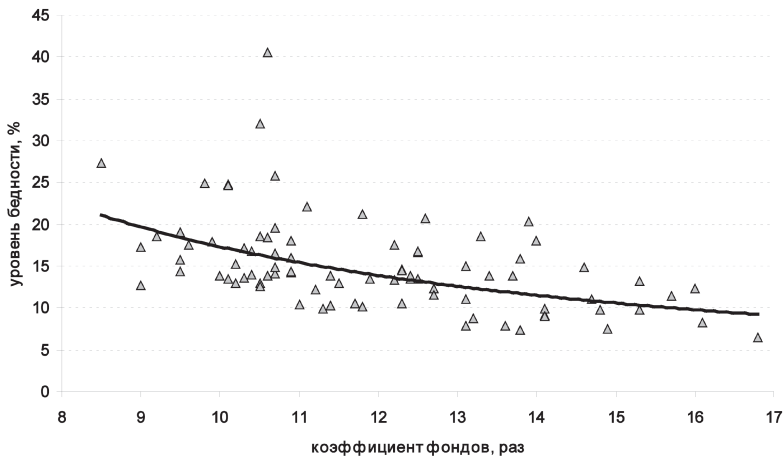

Рис. 6. Распределение регионов по уровню бедности и коэффициенту фондов в 2017 г.

Источник: данные Росстата.

Стоимость жизни в регионе измеряется как отношение регионального прожиточного минимума (черты бедности) к среднему по РФ. В России есть «дешевые» регионы с низким прожиточным минимумом, в основном это Черноземье, часть Поволжья, юг Урала и юг Западной Сибири, и «дорогие» регионы – столичные города, регионы Севера и Дальнего Востока. При прочих равных, более высокий прожиточный минимум должен увеличивать уровень бедности, а низкий – способствовать снижению. Однако связь этих показателей минимальна. Так, среди регионов с низким прожиточным минимумом есть имеющие и высокий, и низкий уровни бедности (рис. 7). Только сочетание нескольких факторов – низкого прожиточного минимума со средними душевыми доходами населения и пониженной внутрирегиональной дифференциацией по доходу – способствует выводу населения из бедности. В основном это характерно для Черноземья и части Поволжья: в Белгородской, Воронежской, Липецкой, Курской, Тамбовской областях, Республике Татарстан уровень бедности минимальный – от 8 до 10% в 2017 г., но при этом «планка отсечения» очень низка.

В регионах с высокой стоимостью жизни различия также велики: в федеральных городах и Московской области уровень бедности низкий (8%), а в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока он выше среднего по стране, за исключением Сахалина и Чукотского АО. Именно для удаленных российских регионов более высокая стоимость жизни при средних доходах, скорректированных на прожиточный минимум, является значимым фактором более высокого уровня бедности относительно регионов европейской ча-

сти с сопоставимым уровнем экономического развития. Это причина продолжающегося миграционного оттока.

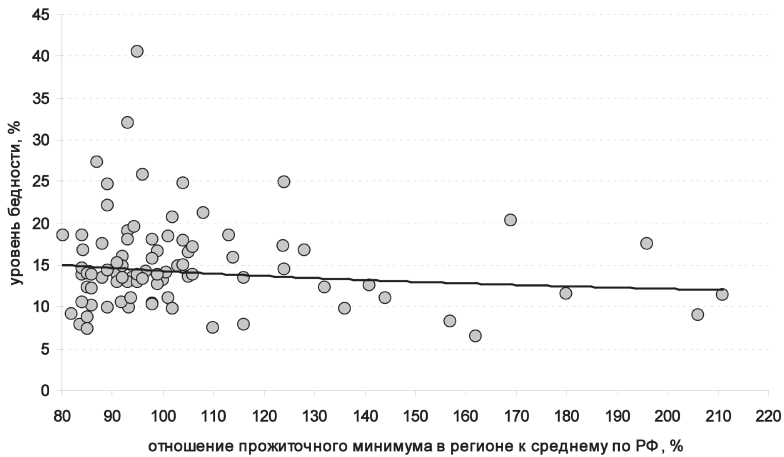

Рис. 7. Распределение регионов по уровню бедности и стоимости жизни (отношению величины прожиточного минимума в регионе к среднему по РФ) в 2017 г.

Источник: данные Росстата.

По данным Росстата, уровень бедности сельского населения в полтора раза выше, чем городского: соотношение городского и сельского населения в России 74:26, а численности бедного населения и в городах и сельской местности – 64:36. Как следствие, повышенная доля сельского населения в регионе также является фактором бедности, что подтверждает распределение регионов по уровню бедности и доле городского населения (рис. 8). Однако связь не линейна и не очень велика, поскольку риски бедности, которые рассчитывает Росстат, повышены не только для села, но и для городов с населением менее 100 тыс. жителей и особенно с населением менее 50 тыс. жителей.

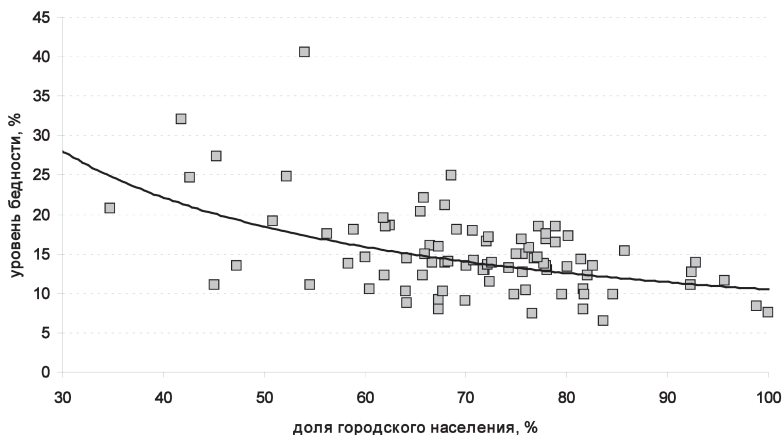

Рис. 8. Распределение регионов по уровню бедности и доле городского населения в 2017 г., %

Источник: данные Росстата.

Расчеты парных корреляций показывают, что в 2017 г. главным фактором бедности в регионах были доходы населения, скорректированные на прожиточный минимум (табл. 1). Значимы также факторы детской нагрузки и уровня урбанизации. Неравенство по доходу влияет на уровень бедности несколько слабее, а фактор стоимости жизни в регионе сам по себе малозначим, за исключением двух полярных групп регионов («дешевого» Черноземья и «дорогих» удаленных регионов). Таким образом, современный уровень абсолютной бедности в регионах, измеряемой как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, определяется четырьмя базовыми факторами: прежде всего доходами населения с учетом стоимости жизни, а также возрастной структурой населения, уровнем урбанизации и неравенством по доходу.

Устойчиво ли влияние этих факторов? Расчет парных корреляций по индикаторам на начало 2000-х гг. показывает, что оно менялось. Влияние доходов, скорректированных на стоимость жизни в регионах, было несколько слабее, как и влияние детской нагрузки, а также внутрирегионального неравенства по доходу, существенно выросшему именно за нулевые годы. Наоборот, влияние фактора урбанизированности было выше, что объясняется более сильным отставанием уровня заработной платы занятых в сельском хозяйстве в начале 2000-х гг. по сравнению с 2017 г. Снижение влияния стоимости жизни в регионах (прожиточного минимума) на уровень бедности обусловлено сокращением различий региональных прожиточных минимумов.

Таблица 1. Парные коэффициенты корреляции (показатели 2001–2002 гг. и 2017 г.)

	Уровень бедности, 2001 г.	Уровень бедности, 2017 г.
Отношение душевых денежных доходов к прожиточному минимуму в регионе*	–0,67	–0,86
Доля населения моложе трудоспособного возраста	0,43	0,59
Доля городского населения	–0,62	–0,54
Коэффициент фондов	–0,35	–0,49
Прожиточный минимум*	–0,30	–0,14

* Данные за 2002 г. (в 2001 г. региональные данные Росстата были неполными).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

3. География бедности при переходе к относительному критерию. Измерения уровня относительной бедности в России пока немногочисленны. В исследовании ИНСАП на основе данных Росстата показано, что при черте бедности в 50% от медианного дохода ее уровень составлял в 2015 г. 18,3% [Малева и др., 2019, с. 21]. Российский показатель существенно выше, чем в странах ОЭСР, и сопоставим с Турцией, Израилем и США, что обусловлено высоким неравенством по доходу во всех этих странах. Кроме того, уровень относительной бедности в России несколько вырос в период экономического роста нулевых (с 17 до 19%), в отличие от абсолютной бедности, которая быстро сокращалась. Как указывают авторы исследования, это следствие усиления доходного неравенства в период экономического роста. Наоборот, в период кризиса 2014–2017 гг. уровень относительной бедности немного снизился (до 18% в 2017 г.) из-за сокращения дифференциации населения по доходу.

Росстат разработал методологию измерения уровня относительной бедности с использованием шкал эквивалентности¹. При переходе к критерию относительной бедности с эквивалентными располагаемыми денежными доходами ниже 50% от медианы ее уровень меняется не сильно (14% в 2013–2016 гг.), но существенно изменяется демографический профиль бедности [Фролова, 2018]. Резко возрастает уровень бедности домохозяйств, состоящих только из пенсионеров (с 1 до 18%) и заметно сокращается уровень бедности домохозяйств, имеющих в своем составе многодетные семьи (с 27 до 17%), трех детей (с 51 до 35%) или детей до 3 лет (с 35 до 26%). Таким образом, переход к критерию относительной бедности с учетом эквивалентной шкалы резко усиливает риск бедности пожилого населения, которое сейчас бедным в основном не является благодаря введенным в конце нулевых доплатам к пенсиям до величины прожиточного минимума пенсионера.

Анализ уровня и факторов абсолютной бедности помогает на качественном уровне оценить изменения ее географической картины при переходе к относительному критерию бедности с учетом демографического профиля. Во-первых, не будет ареала с низким уровнем бедности в Черноземье, поскольку население этих регионов сильно постарело. Доплаты к пенсиям подтягивают доходы неработающих пенсионеров к прожиточному минимуму, но доходы многих домохозяйств, состоящих только из пенсионеров, все равно ниже 50% от медианы, поэтому бедность пожилых, измеряемая по относительному критерию, резко возрастет. По этой же причине заметно вырастет уровень бедности в других сильно постаревших регионах – Нечерноземье (остальные области Центра за исключением столичной агломерации, и часть областей Северо-Запада), части Поволжья (Пензенская, Нижегородская и др.). Особенно заметно вырастет бедность сельского населения всех этих регионов, среди которого велика доля пожилых одиночек и семейных пар. Во-вторых, при расчете относительных критериев бедности с использованием шкал эквивалентности заметно сократится уровень бедности в регионах с высокой детской нагрузкой, не завершивших демографический переход, – в слаборазвитых республиках Северного Кавказа и юга Сибири, в Калмыкии, а также в Якутии. В результате на российской карте бедности вместо одной появятся две наиболее проблемные зоны – не только самые «молодые», но и самые постаревшие регионы.

Выводы

Региональная специфика российской бедности, измеряемой по абсолютному критерию, достаточно велика и проявляется в разных аспектах:

- устойчивость сильных региональных различий, обусловленных прежде всего доходными и демографическими факторами, в результате чего наиболее проблемными являются республики, не завершившие демографический переход, а минимальный уровень бедности имеют наиболее развитые агломерации федеральных городов и главные регионы добычи нефти и газа;
- нелинейная динамика в периоды экономического роста и кризисов – резкое снижение уровня бедности за длительный период экономического роста нулевых годов в подавляющем большинстве регионов, минимальная реакция на кризис 2009 г. благодаря относительной стабильности доходов в большинстве

¹ Использование эквивалентных шкал позволяет учитывать различия в реальной покупательной силе доходов за счет относительной экономии от ведения большого хозяйства и может рассматриваться как коэффициент приведения доходов домохозяйств разного размера к единому измерителю.

регионов, относительно слабая реакция на последний кризис, несмотря на значительный спад доходов населения, что в немалой степени обусловлено медленным ростом величины прожиточного минимума в регионах из-за особенностей его структуры;

- разные темпы снижения уровня бедности в период экономического роста, максимальные – во внешней зоне двух крупнейших агломераций страны и в регионах с резким ростом добычи нефти и газа под влиянием агломерационного и ресурсного факторов (конкурентных преимуществ), замедленные – в наименее развитых регионах, за исключением отдельных регионов с низкой достоверностью статистики доходов и бедности;
- влияние географических факторов – формирование зон пониженной бедности в регионах Черноземья и в части соседних за счет очень низкой стоимости жизни, а также зон повышенной бедности в северных и удаленных восточных регионах за счет высокой стоимости жизни в неблагоприятных климатических условиях;
- важнейший фактор бедности в регионах – уровень доходов населения, скорректированных на прожиточный минимум, его роль еще более возросла в 2010-х гг.; значимые факторы – детская нагрузка и уровень урбанизации, несколько менее значимые, но более заметные с конца 2010-х гг. – неравенство по доходу.

При переходе к измерению бедности по относительному критерию (50% от медианного дохода) региональная картина существенно изменится вследствие демографического профиля этого показателя. Помимо проблемных республик, где уровень бедности несколько сократится, появится новая проблемная зона – наиболее постаревшие регионы Центра, Северо-Запада и части Поволжья, особенно сильно увеличится бедность сельского населения этих территорий.

Литература

- Бедность: взгляд ученых на проблему. 1994. Под ред. М. А. Мужиной. М.: ИСЭПН РАН.
- Гришина Е. Е. 2014. Совершенствование социальной поддержки малоимущих в России // Уровень жизни населения регионов России. 1 (191): 83–89.
- Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самоуважения населения. 2018. ИНСАП РАНХиГС, декабрь 2018 г. С. 32. <https://www.ganepa.ru/images/News/2018-12/19-12-2018-monitoring.pdf>.
- Корчагина И. И. 2007. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных // Социальная политика: реалии 21 века. Вып. 3. М.: НИСП. С. 5–20.
- Лаптева Е. А. 2004. Географический анализ проблем бедности в крупнейших и малых городах России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 3 : 39–44.
- Малева Т. М., Гришина Е. Е., Цацура Е. А. 2019. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело. 52 с. (Научные доклады: социальная политика)
- Мигранова Л. А., Мелина Е. В. 2007. Адресная социальная помощь и решение проблемы бедности населения в Республике Татарстан // Народонаселение. М.: ИСЭНП, № 2.
- Можина М. А., Овчарова Л. Н., Попова Р. И., Прокофьева Л. М. и др. 1998. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Коллективная монография. Науч. докл. / Под ред. Т. М. Малевой. Моск. центр Карнеги; Вып. 24. М.: Моск. центр Карнеги.
- Овчарова Л. Н. 2009. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио. 268 с.

- Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданыч Е.Г. 2014. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней / Сост. Е. В. Шепелева; науч. ред. Л. Н. Овчарова. Вып. 1. М.: НИУ ВШЭ.
- Овчарова Л. Н., Прокофьева Л.М. 2014. Система социальной поддержки, направленной на активизацию выхода из бедности, в регионах Российской Федерации // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. (19): 87–102.
- Подузов А. А., Кукушкин Д. К. 1997. Бедность в Москве: использование шкал эквивалентности для ее измерения // Проблемы прогнозирования. (6).
- Предложения к Стратегии содействия сокращения бедности в России: анализ и рекомендации. 2002 / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: МОТ. С. 95–110.
- Руденко Д. Ю. 2011. Стратегия сокращения бедности в регионе. Тюмень: ОЛМАРПРЕСС. 223 с.
- Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2016 гг. Статистический сборник. Росстат. 2017.
- Фролова Е. 2018. Развитие методологии в области измерения неравенства и бедности при переходе на новые источники информации: опыт и проблемы. Доклад на российско-французской научной конференции «Бедность городского и сельского населения в России и Франции», октябрь 2018. https://isp.hse.ru/international_conference3.
- Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. 2001. Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: методы измерения и анализ причинных зависимостей. М., РПЭИ.
- Шевяков А. Ю., Жаромский В. С., Мигранова Л. А., Овчарова Л. Н., Сопцов В.В. 2009. Бедность и неравенство в Москве // В кн.: Социальные проблемы современной России: Московская специфика / Под общ. ред. А. Ю. Шевякова. М.: ИСЭПН РАН. С. 14–109.
- Ovcharova L., Biryukova S. 2018. Poverty and the Poor in Post-Soviet Russia 2018 // Poverty, Politics and the Poverty of Politics. BR Publishing Co. Ch. 6. P. 151–175.
- Townsend P. 1993. International Analysis of Poverty. L.: Harvester Wheatsheaf.
- Yemtsov R. 2003. Quo Vadis: Inequality and Poverty Dynamics across Russian Regions // Working Paper. Washington D.C.: The World Bank.

Автор

- **Зубаревич Наталья Васильевна**, доктор географических наук, профессор кафедры социально-экономической географии Географического факультета МГУ, nzubarevich@gmail.com